

УДК 94(476)“13/15”

А. И. ГРУША

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И УТВЕРЖДЕНИЕ ДОКУМЕНТА В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ В КОНЦЕ XIV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.*Центральная научная библиотека им. Я. Коласа НАН Беларуси. Минск, Беларусь
pirus@tut.by*

Цель исследования – выяснить происхождение и последствия утверждения документа на ранних этапах его бытования в Великом Княжестве Литовском. Сделаны следующие выводы. Появление и утверждение документа было связано с развитием глобальных социальных процессов: секуляризацией и прагматизацией общественного сознания и культуры, а также возникновением новых культурных ценностей. Документ был вовлечен во множество сложных коммуникативных практик – мирских, религиозных, не только письменных, но и устных. Утверждение документа изменило состав общества, структуру власти, управления и суда, методы осуществления властью ее основных функций, материальную среду пользователя документа, сформировало особый вид общественного сознания и культуры, в которой документ являлся одним из главных средств коммуникации.

Ключевые слова: документ, ритуал, Великое Княжество Литовское, актовые книги, писцы, канцелярии, архивы, устная традиция.

A. I. HRUŠA

ORIGIN AND THE STATEMENT OF A DOCUMENT IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AT THE END OF XIV – FIRST THIRD OF XVI CENTURIES*Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Belarus
pirus@tut.by*

The aim of the research is to find out the origin and to obtain the results of statement of a document at the early stages of its existing in the Grand Duchy of Lithuania. The following conclusions are made. The occurrence and statement of a document were related with the development of global social processes: laicization and pragmatization of social consciousness and culture, and also with the originating of new cultural values. A document was involved in many complex communicative practices – secular, religious, not only written, but also oral ones. A document statement changed the society structure, the frame of the authority, governance and court, the methods of realisation by the authority its basic functions, the material environment of a user of a document, formed a special kind of social consciousness and culture in which the document was one of the main communication tools.

Keywords: document, ritual, Grand Duchy of Lithuania, registers, clerks, chanceries, archives, oral tradition.

Введение. Цель исследования – выяснить происхождение и последствия утверждения документа на ранних этапах его бытования в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ). Документом мы называем такую письменную запись, которая участвовала в процедурах утверждения и обоснования правового акта. При изучении документа использован социокультурный подход. Этот подход предполагает повышенное внимание к некогда значимым институтам и ценностям общества ВКЛ, формам коммуникации населения этого государства. Поставлены следующие задачи. Каковы были предпосылки, условия и причины появления документа? Что представлял из себя «протодокумент»? Какие институты оказали решающее содействие в продвижении и распространении документа? В какой области она проявила себя раньше и более выразительно? В каких направлениях шёл процесс распространения и утверждения документальных практик? Какая форма документа была основополагающей? К каким изменениям в обществе привело появление

документа? В каких формах происходило сосуществование документа и устной традиции? Эти цель и задачи поставлены в историографии впервые. Решив указанные задачи, мы предполагаем выяснить не только формы и нюансы освоения такой новой информационной технологии и такого нового правового средства, как документ в отдельно взятом регионе Центральной и Восточной Европы, но также и формы протекания в этом регионе некоторых глобальных процессов, в частности, процесса секуляризации. Источником для исследования послужили более 3000 письменных актов, изданных в изучаемый период, среди которых неопубликованные документы, хранящиеся в архивах и библиотеках Варшавы, Кракова, Вильнюса, других городов. В исследовании использовались результаты и отдельные данные работ Э. Банёниса, Ю. Бардаха, Н. Г. Бережкова, И. Валиконите, Л. Каралюса, М. Космана, М. Крома, К. Петкевича, Р. Рагаускене, С. Роуэлла, С. Шибковского и других исследователей.

Предпосылки появления документа. Предшественником документа был религиозный ритуал – некогда мощное орудие принуждения, контроля и регулирования общественных отношений, в частности, такие его виды, как присяга и свидетельство Божьей правды. Одним из ключевых моментов ритуала является приглашение к участию в договоре в качестве его гаранта высших сверхъестественных сил [1, с. 28–53]. В результате секуляризации и прагматизации общественного сознания и культуры, приведших к изменению ценностных ориентаций общества, этот ритуал как главная процедура утверждения договора исчез.

Секуляризация нашла выражение в трансформации такого основополагающего для ВКЛ исторического феномена, как старина. Её базовое представление – представление о Боге как создателе вселенной, земли и всего сущего на земле, нерушимости установленных Богом порядков. Общий принцип старины заключался в том, что существующий порядок являлся устойчивым и нерушимым и он не мог быть изменён. Составляющим компонентом этого феномена была память старины. Носителями данной памяти являлись «старцы» – люди пожилого возраста. Её особенность заключалась в том, что она была односторонней как по цели, так и по характеру. Она удерживала то, что сохранялось неизменным и должна была подтвердить то, что существовало теперь [2, с. 216–237]. Подчеркнём связь старины с религией. В западноевропейской историографии исследуется феномен «темогія» как форма отношений живых и мёртвых, способ утверждения их сообщества, форма мышления и деятельности [3; 4]. Западноевропейская «темогія» соответствовала восточнохристианской «памяти по душе». Но был и ещё один аналог, который существовал как до принятия христианства, так и параллельно с ним – религиозный культ предков. Свой основной религиозный потенциал старина исчерпала к середине XVI в. Но признаки её глобального упадка можно наблюдать на протяжении двух предыдущих столетий. Этот упадок наиболее чётко проявил себя в отношении к власти (перешедшей от Бога к светскому правителю), к религии (это касается литовцев – их крещение), к древнейшему виду землевладения – отчине (это касается прежде всего литовцев – отчину стало возможно отчуждать), к земле, на которую распространялась власть великого князя как правителя (эту землю великий князь стал раздавать в пожалование князьям, панам и боярам), и крестьянам (которых великий князь стал жаловать в личное подданство), к общему порядку (он стал изменяться вследствие многочисленных пожалований великого князя), к памяти старцев и судебной присяге (они стали заменяться документом).

Центры и группы продвижения документа. Главными, решающими силами продвижения документальной письменности были христианская церковь и государственная власть. Для христианской церкви письменность имела институтообразующее значение. Авторитет Священного писания, канонического права, записанного слова был неотделим от христианской религии. Письмо являлось орудием веры. С деятельностью церкви было связано появление записей о церковных вкладах на страницах наместольных Евангелий [5].

Государственная власть рациональна по своей природе. Она наиболее восприимчива к принятию новых способов и средств поддержания аппарата принуждения и сохранения собственного авторитета. Эта власть в период её функционирования в конце XIV – первой трети XVI в. наиболее чётко выразила свою приверженность рациональным нововведениям. Великий князь Витовт (1392–1430) развил бурную деятельность по укреплению личной власти и повышению её

авторитета. Он произвёл преобразования в области центрального и местного управления. Этот правитель упразднял в регионах суверенные и полусуверенные княжения и назначал туда наместников, внедрял должностную систему управления. Все эти перемены происходили вопреки действиям старины. Мощное напряжение в обществе, которое Витовт создал своей властью и активностью, разрушением старины могло быть частично снято авторитетом щедрого правителя. При этом правителе были приняты меры по реорганизации системы вознаграждения военно-служилого класса. В объект выслуги превратилась земля с крестьянами. Одним из новшеств, введённых Витовтом, стал документ, фиксирующий пожалования великого князя.

Важно следующее. Целый ряд новшеств (отчуждение земли и др.) квалифицировался не просто как «добрые» и «вольные» права, но и как «христианские» права. Данную квалификацию прав необходимо рассматривать в культурном смысле. То, что на «латинском Западе» воспринималось как совокупность вполне светских институтов и практик, недавними язычниками литовцами и православными ВКЛ мыслилось в категориях христианской культуры. Новые гражданские и имущественные права отождествлялись с христианством, являлись органической частью христианской религии, воплощали её. Новшеством, имеющим в известной степени религиозную ценность, был и документ.

В продвижении документа была и ещё одна сила: твёрдое убеждение в том, что существующий порядок вещей должен быть именно таким, а не иным. Эта сила была воплощена в идее документальной письменности. Носителем этой идеи был великий князь Витовт. Указанными носителями являлись также духовные учреждения и подданные: русины, поляки, общины литовских городов. Они принесли эту идею из других стран, а также из регионов ВКЛ и не стеснялись в реализации инициативы производства документальной письменности.

Условия и причины появления документа. Состав «добрых», «вольных» и «христианских» прав, пришедших из Польши в ВКЛ на рубеже XIV и XV вв., позволяет выяснить направление, в котором происходила трансформация ценностных ориентаций, формирование состава новых приоритетных ценностей. В представлениях подданных о том, что являлось желательным, правильным, полезным, стали приоритетными материальное благосостояние, статус, положение и власть, основанные на этом благосостоянии. Этот приоритет сделал восприятие данных ценностей более обострённым, ввёл их в ранг «реальных», сделал указанные ценности престижными. Стали реализовываться цели, которые определялись преимущественно материальными интересами. Результаты их реализации увеличили имущественную и социальную дистанцию между разными представителями общества.

Выражение готовности к выполнению присяги, свидетельству Божьей правды, дачи показаний свидетелей стало превращаться в тактический приём ведения судебных прений. Отношение к этим процедурам претерпели изменения. К ним возникло недоверие. Это недоверие привело к необходимости регулирования данных процедур. Они усложнились [6]. В ряде случаев потерялся весь смысл их выполнения. Судьям, которые полагались на память старины, приходилось неоднократно менять решение по одному и тому же делу, что дискредитировало устные показания, суд, подрывало их авторитет. Кризис ритуала и памяти старины требовал замещения их таким рациональным средством регулирования правовых отношений, которое бы обладало высоким кредитом доверия. Так документ вступил в свою историческую роль.

Утверждение документа. В период правления Витовта правовую письменность продвигали государство, церковь и костёл. Приобщение подданных к документальной письменности имело многоплановый контекст: технический, религиозный, культурный. Документ был практичен, освящён христианской традицией, его использование поощрялось. Правовая письменность идейно подпитывалась из мощных источников – от носителей письменных традиций из числа русинов и бывших иностранцев. При Витовте был сделан решительный рывок в использовании письменного инструментария. Но всё же использование документальных акций носило альтернативный, подчас желательный, но не обязательный характер. Документ рассматривался как установление христианства, но это установление находило эквивалентную замену в освящённых христианской верой и адаптированных к ней старых обрядах. Указанный документ действовал в тех областях жизни, которые были новы для общества: в отношениях, связанных с выдачей и получением великокняжеских выслуг, в отношениях между обществом и костёлом.

При великом князе Казимире (1440–1492) великокняжеский документ приобрёл массовый характер, утвердилась практика издания письменных приговоров суда и частнопроводных документов. Первейшее назначение документа стало заключаться в том, чтобы быть орудием обоснования прав. В период правления Казимира инициатива издания документа стала нередко принадлежать агентам великого князя – его судьям, а также подданным. В обществе формировалось то, что можно определить как письменное сознание, письменная культура – совокупность особо прочных ценностей, норм и моделей поведения индивида и общества, особых устойчивых представлений о значении и роли документа в регулировании правовых отношений. Ведение документации стало желательной, в ряде случаев обязательной операцией для осуществления правового акта. Рациональные средства закрепления договора восторжествовали над религиозными. Документ стал обладать статусом важного и необходимого реквизита правового акта, существенного инструмента правовой памяти.

При великих князьях Александре (1492–1506) и Жигимонте I Старом (1506–1548) документ превратился в необходимый и обязательный атрибут судебных и административных операций, связанных с отчуждением имущества и доказательством прав на него в суде. Он стал важным инструментом управления и суда, атрибутом власти, правовой системы, нормой деятельности государства и жизни подданных. Существование документальной письменности стало значимой частью общественного сознания.

Сказанное лишь отчасти касается крестьянского сословия. Документ не стал полноправным достоянием его представителей. Ограничение имущественных прав крестьян, касавшихся распоряжения земельным имуществом, их традиционализм послужили помехой для глубокого проникновения документальных практик в крестьянскую среду.

Актные книги. Кроме документов с печатью существовал ещё один вид письменных материалов правового характера – книги. Доминантная функция книги – создать удобство не только в хранении, но также и в использовании большого объёма письменной информации, её сохранении. Использование книг для осуществления документальных процедур может свидетельствовать, во-первых, о массовом характере издания документов, во-вторых, о растущей их востребованности, в-третьих, о поиске наиболее оптимальных форм их хранения.

Записи книги, независимо от того, были ли они вторичными или первичными, служили средством усиления памяти. Отличие письменной памяти от устной заключалось в том, что её хранителем были не религиозные силы, не общество, а представитель светской власти.

Специфика книг как носителей правовой информации заключалась в том, что именно они, а не «выписки» из них были главным местом хранения этой информации. Выписки из этих книг являлись производным явлением по отношению к данным книгам. Сам факт использования книг выражал общую тенденцию сохранять правовую информацию при властях, независимо от того, для кого она в первую очередь предназначалась: для властей или подданных. В этом заключалось принципиальное отличие книг от документов на отдельном носителе, которые могли передаваться на руки их получателей без сохранения всякой письменной информации об этих документах. С книгами явился новый способ удостоверения документа – посредством его записи в книги.

Книги имели один общий признак. Они были лишены специальных удостоверительных знаков, наподобие тех, которыми обладал документ на отдельном носителе: печать, подпись. Записи этих книг «удостоверяло» нахождение книг при должностном лице, учреждении, регулярное упоминание данного лица как судьи в записях указанных книг. Факт хранения судебных книг в личных архивах должностных лиц подтверждал тесную связь книг с этим лицом, учреждением, их деятельностью. Всякое удаление записи книги от самой книги, от должностного лица, учреждения требовало использования по отношению к указанной записи других способов удостоверения. Выписки, сделанные на основе записи книги, удостоверялись печатью. Этот факт вскрывает условия функционирования книги и документа с печатью. Печать употреблялась тогда, когда происходил «разрыв» в пространстве и во времени юридического автора документа с самим документом. Персональная связь должностного лица с книгой, связь книги с учреждением не требовала какого-то специального удостоверения.

При великом князе Казимире (1440–1492) великокняжеский документ приобрёл массовый характер, утвердилась практика издания письменных приговоров суда и частноправовых документов. Первейшее назначение документа стало заключаться в том, чтобы быть орудием обоснования прав. В период правления Казимира инициатива издания документа стала нередко принадлежать агентам великого князя – его судьям, а также подданным. В обществе формировалось то, что можно определить как письменное сознание, письменная культура – совокупность особо прочных ценностей, норм и моделей поведения индивида и общества, особых устойчивых представлений о значении и роли документа в регулировании правовых отношений. Ведение документации стало желательной, в ряде случаев обязательной операцией для осуществления правового акта. Рациональные средства закрепления договора восторжествовали над религиозными. Документ стал обладать статусом важного и необходимого реквизита правового акта, существенного инструмента правовой памяти.

При великих князьях Александре (1492–1506) и Жигимонте I Старом (1506–1548) документ превратился в необходимый и обязательный атрибут судебных и административных операций, связанных с отчуждением имущества и доказательством прав на него в суде. Он стал важным инструментом управления и суда, атрибутом власти, правовой системы, нормой деятельности государства и жизни подданных. Существование документальной письменности стало значимой частью общественного сознания.

Сказанное лишь отчасти касается крестьянского сословия. Документ не стал полноправным достоянием его представителей. Ограничение имущественных прав крестьян, касавшихся распоряжения земельным имуществом, их традиционализм послужили помехой для глубокого проникновения документальных практик в крестьянскую среду.

Актные книги. Кроме документов с печатью существовал ещё один вид письменных материалов правового характера – книги. Доминантная функция книги – создать удобство не только в хранении, но также и в использовании большого объёма письменной информации, её сохранении. Использование книг для осуществления документальных процедур может свидетельствовать, во-первых, о массовом характере издания документов, во-вторых, о растущей их востребованности, в-третьих, о поиске наиболее оптимальных форм их хранения.

Записи книги, независимо от того, были ли они вторичными или первичными, служили средством усиления памяти. Отличие письменной памяти от устной заключалось в том, что её хранителем были не религиозные силы, не общество, а представитель светской власти.

Специфика книг как носителей правовой информации заключалась в том, что именно они, а не «выписки» из них были главным местом хранения этой информации. Выпис из этих книг являлся производным явлением по отношению к данным книгам. Сам факт использования книг выражал общую тенденцию сохранять правовую информацию при властях, независимо от того, для кого она в первую очередь предназначалась: для властей или подданных. В этом заключалось принципиальное отличие книг от документов на отдельном носителе, которые могли передаваться на руки их получателей без сохранения всякой письменной информации об этих документах. С книгами явился новый способ удостоверения документа – посредством его записи в книги.

Книги имели один общий признак. Они были лишены специальных удостоверительных знаков, наподобие тех, которыми обладал документ на отдельном носителе: печать, подпись. Записи этих книг «удостоверяло» нахождение книг при должностном лице, учреждении, регулярное упоминание данного лица как судьи в записях указанных книг. Факт хранения судебных книг в личных архивах должностных лиц подтверждал тесную связь книг с этим лицом, учреждением, их деятельностью. Всякое удаление записи книги от самой книги, от должностного лица, учреждения требовало использования по отношению к указанной записи других способов удостоверения. Выпис, сделанный на основе записи книги, удостоверялся печатью. Этот факт вскрывает условия функционирования книги и документа с печатью. Печать употреблялась тогда, когда происходил «разрыв» в пространстве и во времени юридического автора документа с самим документом. Персональная связь должностного лица с книгой, связь книги с учреждением не требовала какого-то специального удостоверения.

Писцы и канцелярии. Умножение видов и разновидностей правовой письменности, превращение письменных практик в систематические, развитие письменного делопроизводства открыли область профессионального труда по производству документов, вызвали к деятельности специалистов и учреждения, связанные с этим производством. Писец был главным технологом письменности, ключевой фигурой в издании документа. Старейшая группа писцов происходила из среды духовенства и состояла из священников и дьяков, преимущественно последних. Если первоначально церковные дьяки служили пером Богу, то в дальнейшем они стали участвовать в решении мирских задач светской власти и её подданных. Этот факт взаимодействия церкви и мирян чётко обозначил новое явление в жизни общества. Письменность преодолела религиозную сферу, вышла из области, подведомственной церкви, произошло её вторжение в область светских практик.

Если говорить о государственном уровне организации работы по изданию документов, то надо различать следующие типы этой организации. Правитель мог издавать документы, не располагая специальным учреждением по их подготовке и даже не имея в своём аппарате управления отдельных специалистов для выполнения данного вида работы. Её могли выполнять специально привлечённые для этого лица, в том числе со стороны контрагента. Правитель мог располагать отдельными специалистами, выполнявшими время от времени указанный вид работы. Следует отличать этот тип организации от такого её типа, как учреждение – канцелярии. Последняя подразумевает наличие группы постоянно действующих должностных лиц, профессионалов, объединённых решением общих задач и действующих по принципу разделения труда и субординации. Не стоит преувеличивать значение внешних отношений правителя в возникновении канцелярии. Необходимость подготовки большого объёма корреспонденции и большого количества межгосударственных договоров не вела к появлению указанного учреждения. Стационарная канцелярия возникла тогда, когда правитель стал нуждаться в систематическом утверждении договорных отношений при помощи документов с самыми многочисленными и активными контрагентами – подданными. Возникновение великокняжеской канцелярии относится ко времени правления Витовта.

Профессионализация дела писца проявилась в двух главных формах. Во-первых, возникли и стали стабильно функционировать учреждения, должностные лица и профессиональные группы, специализировавшиеся в деле подготовки письменного документа. Во-вторых, ядро задействованных в подготовке правовых документов писцов покинуло среду духовенства. Это ядро стали формировать писцы из числа мирян. Данные изменения в составе писцов чётко проявили себя во второй половине XV в. Перераспределение основного состава писцов в сторону увеличения в этом составе мирян дало возможность последним больше посвящать себя работе над документом, приобретать квалификацию и опыт, совершенствоваться, и в конце концов, эффективно использовать их.

Архивы. Предел древности самых ранних документов архивов – время правления польского короля Владислава-Ягайлы, великих князей Скиргайлы (1387–1392) и Витовта – указывает на период, когда документ стал приобретать значение важного средства регулирования правовых отношений. Факты, которые изложены ниже, свидетельствуют о том, какое большое значение имел документ в последующие после смерти Витовта сто лет. Сторона договора, приобретающая земельное имущество, получала вместе с этим имуществом и документы на него, и делала она это во избежание возможных претензий на него в будущем со стороны прежних владельцев. Обладатели архивов изыскивали безопасные в плане сохранности и удобные для использования документов места для средоточия этих архивов. Ни в одной из практик, связанных с хранением и использованием архивов, нельзя обнаружить признаков легкомысленного и нерадивого к ним отношения. Создаётся впечатление, что символический характер выбора места хранения архивов был больше подчинён практическим задачам – сберечь документ. В функционировании архивов наиболее выразительно проявилось отношение к документу как авторитетному инструменту решения правовых вопросов [7].

Документ и устная традиция. Традиция сохраняла определённую устойчивость. Эта устойчивость находила выражение в приоритетном значении традиции перед документом. Приоритет

традиции перед документом обнаружил себя в представлении об устных показаниях как первоочередном виде доказательства. Традиция была настолько сильна, что она переносила на явления письменной культуры свои формы. На документы распространялась значимость их издателей. Документ имел силу не сам по себе, а потому, что он был издан предшественниками. Письменность вступала в непосредственный контакт с традицией, находилась с ней в сложном и тесном взаимодействии. Документ и традиция могли составлять определённый симбиоз. Документ закреплял давно существовавший порядок – старину. Документ разрушал старину, но одновременно он консервировал зафиксированные в нём новые правоотношения, создавая новую старину. Ещё одна форма взаимодействия документа и традиции – одновременное использование письменных и бесписьменных способов обоснования прав. Традиция воздействовала на документ, делая его своим объектом. В старину превращалась практика издания документов.

Проникновение документа не было стремительным. Традиция медленно сдавала свои позиции. На каком-то этапе между документом и традицией устанавливался определённый баланс отношений. Этот баланс, в частности, делал лёгким с «формальной» точки зрения способ восстановления утраченных документов. Издать новый документ на владения, взамен утраченных документов, великий князь мог по показаниям тех, кому были известны эти документы. Баланс отношений между документом и традицией делал устные показания основанием для подтверждения достоверности документа. Главная функция свидетелей, указанных в документах, заключалась в том, чтобы подтвердить эту достоверность. Документ уступал место традиции. Фактическое существование определённого порядка на протяжении длительного времени блокировало действие документа.

И всё же процесс продвижения письменной документации был уверенным и необратимым. Документ превратился в обязательную часть административных и судебных акций. С момента издания документ начинал действовать помимо воли издателя. Он руководил этим издателем, получателем, всеми, кого затрагивал запечатлённый в нём договор.

Заключение. Предпосылкой появления документа были секуляризация и прагматизация общественных сознания и отношений. Их выражением были отход от принципов, воззрений и норм базового института Средневековья – старины, снижение уровня её переживания. Со стариной утратил своё значение религиозный ритуал, в частности, такие его отдельные виды, как присяга и свидетельство Божьей правды, которые поддерживала старина. Главная миссия документа заключалась в том, чтобы занять место религиозного ритуала как средства легализации правоотношений. Продвижение документа было отражением и одновременно стимулом глобального утверждения такого порядка организации власти, суда и управления, центром которого была светская власть, средства, произведённые и предложенные ей. Одним из таких средств была документальная письменность.

Протодокумент предстал в виде записей о церковных вкладах в напестольных книгах Евангелия. Эти записи удостоверяли религиозно-правовой договор, действовавший в сложной системе коммуникативных связей.

Приверженцем и проводником идеи письменного слова были государство, церковь и костёл. Исключительное положение в обществе этих институтов, способность их решительного воздействия и влияния на него делали их главными центрами продвижения данного слова. Письменная документация была атрибутом нововведённых «христианских прав», деятельности «христианского господаря», знаком, языком и рычагом власти этого правителя.

Документальная письменность проявила себя раньше и выразительней в области нетипичных и непривычных отношений, там, где отсутствовало господство традиции – пожалований земель, в контактах с костёлом.

Процесс распространения и утверждения документальных практик шёл в двух направлениях: расширение круга операций, подлежавших документированию; превращение документальных акций из альтернативных в желательные и обязательные. Указанные операции расширились в следующей последовательности: раздача земель правителем, ведение судебных процессов, заключение частных договоров между светскими лицами.

Письменная документация существовала в двух формах. Старейшая и основополагающая форма была представлена документом на отдельном носителе, а не актовой книгой, как в Польше.

Актовые книги лишь частично раскрыли их потенциал в качестве полифункционального средства документальных процедур. В то же время практика ведения актовых книг выразила усиливавшуюся потребность властей осуществлять их функции посредством записанного слова.

Документальная письменность внесла капитальные изменения в систему власти, суда и управления. Став неотделимой частью этой системы, она превратилась в средство организации общества и контроля над ним, изменила способы властвования над обществом и управления им. Документ стал орудием поддержания института власти. Появление письменной документации привело к трансформации форм, средств и способов сохранения и передачи информации. Возникли архивы письменной документации. Эта документация стала частью общественного сознания, создала новые модели поведения людей, изменила материальную среду повседневной жизни. Увеличившийся спрос на различные виды и формы документальной письменности, рост её авторитета и повышение культурного статуса, утверждение документальных практик и процедур призвали к жизни новые виды деятельности, профессиональную группу – писцов.

Продвижение документа, его функционирование происходило в условиях сохранявшейся традиции. Документ и традиция балансировали, взаимодействовали между собой, взаимовлияли друг на друга. Документ и общественные установления, принесённые им, жили и развивались в том числе потому, что они находили опору в таком традиционном институте, как старина.

Список использованной литературы

1. Груша, А. І. Мяноўная грамата князя Васіля Нарымонтавіча і фарміраванне пісьмовай культуры ў прававой сферы Вялікага княства Літоўскага ў апошнія трыці XIV – першай трыці XV ст. / А. І. Груша. – Мінск: РІВШ, 2010. – 96 с.
2. Груша, А. Улада непарушнасці і памяці: «Старина» і яе трансфармацыя ў XV – першай трыці XVI ст. / А. Груша // СОЦІУМ. Альманах сацыяльнай історыі / НАН Украіны, Інститут історыі Украіны, Сектор сацыяльнай історыі. – Київ, 2013. – Вип. 10. – С. 216–245.
3. Oexle, O. G. Memoria i przekaz memoratywny we wczesnym średniowieczu / O. G. Oexle // Społeczeństwo średniowiecza. Mentalność – grupy społeczne – formy życia / O. G. Oexle. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. – S. 45–73.
4. Oexle, O. G. Obcowanie żywych i umarłych. Rozważania o pojęciu «memoria» / O. G. Oexle // Społeczeństwo średniowiecza. Mentalność – grupy społeczne – formy życia / O. G. Oexle. – Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2000. – S. 13–44.
5. Груша, А. І. Вкладные записи XIV в. в книгах Евангелия: акты или протоакты? / А. И. Груша // Русский Книжник: [Сборник Российской государственной библиотеки] / РГБ; Научно-исслед. отдел книги и чтения; науч. ред. и сост. А. В. Кузьмин. – М.: «Пашков дом», 2015. – С. 32–63.
6. Груша, А. І. Недоверие – не из-за него ли появился письменный акт? / А. И. Груша // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2010. – № 1. – С. 131–156.
7. Груша, А. И. «Хранить вечно». Архивы Великого княжества Литовского конца XIV – первой трети XVI в. / А. И. Груша // Исторический вестн. – 2014. – Т. 6. – С. 6–53.

Поступило в редакцию 27.05.2015